

Лариса Александрова

GENERATION «II»

*Инсценировка романа **Виктора Пелевина***

(Текст инсценировки создан в 2018 г., специально для Челябинского Камерного театра, с разрешения автора оригинального произведения)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Вавилен Татарский

Сергей Морковин

Андрей Гиреев

Дмитрий Пугин

Вовчик Малой

Клиент из Лефортово

Девушка – продавец в магазине.

Гриша филателист

Че Гевара

Сирруф

Свита Иштар

Свита - Когда-то в России и правда жило беспечальное юное поколение, которое улыбнулось лету, морю и солнцу – и выбрало «Пепси».

Сейчас уже трудно установить, почему это произошло. Наверно, дело было не только в замечательных вкусовых качествах этого напитка. Скорей всего, причина была в том, что идеологи СССР считали, что истина бывает только одна. Поэтому у поколения «П» на самом деле не было никакого выбора, и дети советских семидесятых выбирали «Пепси» точно так же, как их родители выбирали Брежнева.

Как бы там ни было, эти дети, лежа летом на морском берегу, подолгу глядели на безоблачный синий горизонт, пили теплую пепси-колу, разлитую в стеклянные бутылки в городе Новороссийске, и мечтали о том, что когда-нибудь далекий запрещенный мир с той стороны моря войдет в их жизнь.

Глупо искать здесь следы антирусского заговора. Антирусский заговор, безусловно, существует – проблема только в том, что в нем участвует все взрослое население России. Так что «Пепси-кола» здесь совершенно ни при чем. Случившееся было частью всемирного процесса. Вавилен Татарский автоматически попал в поколение «П».

Татарский - Меня зовут Вова.

Свита - Взять хотя бы само имя «Вавилен», которым Татарского наградила отец, соединявший в своей душе веру в коммунизм и идеалы шестидесятничества. Оно было составлено из слов «Василий Аксенов» и «Владимир Ильич Ленин».

Татарский – Я очень стеснялся своего имени, представляясь по возможности Вовой. Потом стал врать друзьям, что отец назвал меня так потому, что увлекался восточной мистикой и имел в виду древний город Вавилон, тайную доктрину которого ему, Вавилену, предстоит унаследовать.

Свита - Несмотря на эту блестящую разработку, в возрасте восемнадцати лет Татарский с удовольствием потерял свой первый паспорт, а второй получил уже на Владимира.

Татарский - После этого жизнь складывалась самым обычным образом.

Свита - Но в двадцать один год с ним случилось нечто, решившее его дальнейшую судьбу. Летом, в деревне, он прочитал маленький томик Бориса Пастернака. Стихи, к которым он раньше не питал никакой склонности, до такой степени потрясли его, что несколько недель он не мог думать ни о чем другом, а потом начал писать их сам. Словом, случай был совершенно типичным и типично закончился – Татарский поступил в Литературный институт. Правда, на отделение поэзии он не прошел – пришлось довольствоваться переводами с языков народов СССР.

Татарский - Потом незаметно произошло одно существенное, для моего будущего, событие. СССР, который начали обновлять и улучшать, улучшился настолько, что перестал существовать.

Свита - Если государство способно попасть в нирвану, это был как раз такой случай. Поэтому ни о каких переводах с языков народов СССР больше не могло быть и речи. Это был удар, но его Татарский перенес.

Татарский – Мир стал очень странным. Внешне он изменился мало – разве что на улицах стало больше нищих, а всё вокруг – дома, деревья, скамейки на улицах – вдруг как-то сразу постарело и опустилось. Сказать, что мир стал иным по своей сущности, тоже было нельзя, потому что никакой сущности у него теперь не было. Во всем царила страшноватая неопределенность.

Свита - Впрочем, его занимала не столько оценка происходящего, сколько проблема выживания. Никаких связей, которые могли бы ему помочь, у него не было, поэтому он подошел к делу самым простым

образом – устроился продавцом в коммерческий ларек недалеко от дома.

В ларьке

Морковин – Пачку «Давидофф»

Татарский - Какой «Давидофф»? Простой или облегченный

Морковин – Облегченный. Вова? Что ты тут?....

Татарский - Сергей Морковин. Когда-то он был одной из самых ярких личностей на курсе и сильно косил под Маяковского – носил желтый свитер и писал эпатирующие стихи

Морковин - «Мой стих, членораздельный, как топор...» или «О, Лица Крика! О, Мата Хари!»

Что ты тут делаешь? Понятно. А ну-ка пойдём от сюда к чёрту.

Морковин - Вова, сейчас особое время. Такого никогда раньше не было и никогда потом не будет. Лихорадка, как на Клондайке. Через два года все уже будет схвачено. А сейчас есть реальная возможность вписаться в эту систему, придя прямо с улицы. Ты чего, в Нью-Йорке полжизни кладут, чтобы только с правильными людьми встретиться за обедом, а у нас...

Татарский - Многого из того, что говорил Морковин, я просто не понимал. Единственное, что четко уяснил из разговора, – это схему функционирования бизнеса эпохи первоначального накопления и его взаимоотношения с рекламой.

Морковин - В целом происходит это примерно так. Человек берет кредит. На этот кредит он снимает офис, покупает джип «Чероки» и восемь ящиков «Смирновской». Когда «Смирновская» кончается, выясняется, что джип разбит, офис заблеван, а кредит надо отдавать. Тогда берется второй кредит – в три раза больше первого. Из него гасится первый кредит, покупается джип «Гранд Чероки» и шестнадцать ящиков «Абсолюта». Когда «Абсолют»...

Татарский - Я понял. А что в конце?

Морковин - Два варианта. Если банк, которому человек должен, бандитский, то его в какой-то момент убивают. Поскольку других банков у нас нет, так обычно и происходит. Если человек, наоборот, сам бандит, то последний кредит перекидывается на Государственный банк, а человек объявляет себя банкротом. К нему в офис приходят судебные исполнители, описывают пустые бутылки и заблеванный факс, а он через некоторое время начинает все сначала.

Татарский - Ага. Но я не понял, какое отношение все это имеет к рекламе.

Морковин - Вот здесь и начинается самое главное. Когда примерно половина «Смирновской» или «Абсолюта» еще не выпита, джип еще ездит, а смерть кажется далекой и абстрактной, в голове у человека, который все это заварил, происходит своеобразная химическая реакция. В нем просыпается чувство безграничного величия, и он заказывает себе рекламный клип. Причем он требует, чтобы этот клип был круче, чем у других идиотов. Так вот, в момент, когда в голове у клиента происходит эта реакция, из кустов появляемся мы. Нам позарез нужны толковые сценаристы, потому что от сценариста сейчас зависит все. Ты берешь десять процентов от общей стоимости ролика.

Татарский - А сколько стоит ролик?

Морковин - Обычно от пятнадцати до тридцати. В среднем считаем, что двадцать.

Татарский - Чего?

Морковин - Господи, ну не рублей же. Тысяч долларов. Это, конечно, ненадолго. Пройдет год или два, и все будет выглядеть иначе. Вместо всякой пузатой мелочи, которая кредитруется по пустякам, люди будут брать миллионы баксов. Вместо джипов, которые бьют о фонари, будут замки во Франции и острова в Тихом океане. Вместо вольных стрелков будут серьезные конторы. Но суть происходящего в этой стране всегда будет той же самой. Поэтому и принцип нашей работы не изменится никогда.

Татарский - Господи, такие деньги... Как-то даже боязно.

Морковин – Вечный вопрос. Тварь ли я дрожащая или право имею?

Татарский – Ты, похоже, на него ответил.

Морковин – Да, было дело.

Татарский – И как же?

Морковин – А очень просто. Тварь дрожащая, у которой есть неотъемлемые права. И лэвэ тоже. Кстати, может, тебе одолжить, а? У тебя вид какой-то запущенный. Отдашь, когда раскрутишься.

Татарский – Спасибо, у меня пока есть. А ты не знаешь случайно, откуда это слово взялось – «лэвэ. Даже в английском что-то похожее есть...

Морковин– Случайно знаю. Это от латинских букв «L» и «V». Аббревиатура liberal values [\[2\]](#).

«Драфт Подиум»

Свита - Объекту примерно сорок лет. Раньше работал учителем физики. Когда бардак только начинался, организовал кооператив по выпечке тортиков «Птичье молоко» и за два года сделал такие деньги,

что сейчас снял в аренду целый кондитерский комбинат в Лефортове. Недавно взял большой кредит. Позавчера у него начался запой, а запой у него примерно по две недели.

Татарский – Откуда такие сведения?

Свита – Секретарша. Так вот, брать его надо сейчас и нести сценарий, пока он не успел отойти. Когда он трезвый, его всегда жаба душилит.

Морковин (*одевает на Татарского бордовый пиджак*) - этот пиджак – клубный. Эту штуку наденешь на пояс. Вы встречаетесь с клиентом в час, а в час двадцать я тебе на этот пейджер позвоню. Когда он запищит, снимешь его с пояса и со значением на него помотришь. Все время, пока клиент будет говорить, делай пометки в блокноте.

Татарский – Зачем все это?

Морковин – Неужели не ясно? Клиент платит большие деньги за лист бумаги и несколько капель чернил из принтера. Он должен быть абсолютно уверен, что перед ним деньги за это же самое заплатило много других людей.

Татарский – По-моему, как раз из-за всех этих пиджаков и пейджеров у него могут возникнуть сомнения.

Морковин – Усложняешь. Жизнь проще и глупее.

Первый Клиент.

Татарский - А вы не боитесь, что все может кончиться? Ведь время сами знаете какое. Вдруг все рухнет?

Клиент – Боюсь. А кто не боится-то. Странные какие-то у вас вопросы.

Татарский – Извините. Это я так.

Морковин – У тебя что, крыша поехала? Кто ж такие вопросы задает?

Татарский – Ничего. Зато теперь я знаю, чего он хочет.

Свита - Вернувшись домой, Татарский за несколько часов написал сценарий. Уже давно он не чувствовал такого вдохновения. В сценарии не было конкретного сюжета – он состоял из чередования исторических реминисценций и метафор. Росла и рушилась Вавилонская башня, разливался Нил, горел Рим, скакали куда-то по степи бешеные гунны – а на заднем плане вращалась стрелка огромных прозрачных часов. «Род приходит, и род уходит, – говорил глухой и демонический (Татарский так и написал в сценарии) голос за кадром, – а земля пребывает вовеки».

Но даже земля с развалинами империй и цивилизаций погружалась в конце концов в свинцовый океан; над его ревущей поверхностью оставалась одинокая скала, как бы рифмующаяся своей формой с Вавилонской башней, с которой начинался сценарий. Камера наезжала на скалу, и становился виден выбитый в камне пирожок с буквами «ЛКК», под которым был девиз, найденный Татарским в сборнике «Крылатые латинизмы»:

MEDIIS TEMPORIBUS PLACIDUS.

СПОКОЙНЫЙ СРЕДИ БУРЬ.

ЛЕФОРТОВСКИЙ КОНДИТЕРСКИЙ КОМБИНАТ

Морковин – Технически это сделать несложно. Надрать видеоряда из старых фильмов, подкрасить, растянуть. Но ведь это полная шиза. Даже как-то смешно.

Татарский– Шиза. И смешно. Только ты скажи, чего ты хочешь? Премию в Каннах получить или заказ?

Свита - Договор на тридцать пять тысяч! Прочитав сценарий, клиент повел себя как гаммельнская крыса, услышавшая целый духовой оркестр. Можно было сорок снять. Я поздно поняла, дура.

Свита - Деньги пришли на счет через пять дней, и Татарский получил честно заработанные две тысячи. Команда уже собирался ехать в Ялту, чтобы снять подходящую скалу, на которой в последних кадрах должен был появиться высеченный в граните пирожок, когда клиента нашли мертвым в его офисе. Кто-то задушил его телефонным проводом. На теле нашли традиционные следы электроутога, а во рту – вдавленное безжалостной рукой пирожное «Ноктюрн»

Татарский - Род приходит, и род уходит... а своя рубашка к телу ближе.

Свита - Так Татарский стал копирайтером. Довольно быстро он оброс новыми знакомствами и стал работать сразу на несколько студий.

Татарский – Про свою первую рекламную работу я вспоминал с неудовольствием, находя в ней какую-то постыдно-поспешную готовность недорого продать все самое высокое в душе.

Свита - А когда заказы пошли один за другим, он понял, что в бизнесе никогда не следует проявлять поспешности, иначе сильно сбавляешь цену, а это глупо: продавать самое святое и высокое надо как можно дороже, потому что потом торговать будет уже нечем.

«Советская ментальность»

Свита – Вот например «советская ментальность» или сакраментальный «совок». С точки зрения его нового нанимателя, Дмитрия Пугина, он должен был такой ментальностью обладать. Пугин признался, что в былые дни обладал советской ментальностью и сам, но начисто утратил ее, несколько лет проработав таксистом в Нью-Йорке.

Соленые ветра Брайтон-Бич выдули из его головы затхлые советские конструкции и заразили неудержимой тягой к успеху.

Пугин – В Нью-Йорке особенно остро понимаешь, что можно провести всю жизнь на какой-нибудь маленькой вонючей кухне, глядя в обосранный грязный двор и жуя дрянную котлету. Будешь вот так стоять у окна, глядеть на это говно и помойки, а жизнь незаметно пройдет.

Татарский – Интересно, а зачем для этого ехать в Нью-Йорк? Разве...

Пугин – А потому что в Нью-Йорке это понимаешь, а в Москве нет. Правильно, здесь этих вонючих кухонь и обосранных дворов гораздо больше. Но здесь ты ни за что не поймешь, что среди них пройдет вся твоя жизнь. До тех пор, пока она действительно не пройдет. И в этом, кстати, одна из главных особенностей советской ментальности.

Свита -Мнения Пугина были в чем-то спорными, но то, что он предлагал, было просто, понятно и логично. Насколько Татарский мог судить из глубин своей советской ментальности, проект являлся просто хрестоматийным образцом американской предприимчивости.

Пугин – Смотри, совок уже почти ничего не производит сам. А людям ведь надо что-то есть и носить? Значит, сюда скоро пойдут товары с Запада. А одновременно с этим хлынет волна рекламы. Но эту рекламу нельзя будет просто перевести с английского на русский, потому что здесь другие... как это... *cultural references*... Короче, рекламу надо будет срочно адаптировать для русского потребителя. Теперь смотри, что делаем мы с тобой. Мы с тобой берем и загодя – понимаешь? – загодя подготавливаем болванки для всех серьезных брендов. А потом, как только наступает время, приходим с папочкой в представительство и делаем бизнес. Главное – вовремя обзавестись хорошими мозгами!

Татарский – Перспективы работы на Пугина прорисовывались смутно – хотя работа была вполне конкретной, было неясно, как и когда за неё будут платить.

Пугин – В качестве пробного шара... *(достаёт из кармана пачку сигарет «Парламент»)*.

Татарский – Концепция для рекламы сигарет «Парламент».

В ближайшем будущем следует ожидать полной остановки большинства жизненно необходимых производств, финансового краха и серьезных социальных потрясений, что неизбежно закончится установлением военной диктатуры. Вне зависимости от своей политической и экономической программы будущая диктатура попытается обратиться к националистическим лозунгам; господствующей государственной эстетикой станет ложнославянский стиль. В отличие от славянского стиля, которого не существует в природе, ложнославянский стиль является разработанной и четкой парадигмой. А в его знаково-символическом поле традиционная западная реклама немыслима. Поэтому она или будет запрещена полностью, или будет подвергаться жесткой цензуре. Совершенно ясно, что при составлении сколько-нибудь серьезной рекламной концепции следует прежде всего учитывать... Что следовало прежде всего учитывать, было на самом деле совершенно неясно. Полчаса предельного напряжения всех духовных сил привели только к рождению слогана-дегенерата:

ПАР КОСТЕЙ НЕ ламент

Свита - Курсовая по истории, которую он писал в Литинституте, называлась «Краткий очерк истории парламентаризма в России». Он уже ничего из нее не помнил,

но был совершенно уверен, что в ней хватит материала на три концепции, не то что на одну.

(разбирает скопившиеся в стенном шкафу залежи, он находит на антресольной полке несколько объектов, хранившихся там еще со школьных времен: изуродованный ударами туристского топорика бюст Ленина, тетрадь по обществоведению, заполненная рисунками танков и атомных взрывов, и несколько старых книг.)

Татарский - Все это переполнило такой безысходной ностальгией, что работодатель Пугин вызвал отвращение и ненависть, после чего подвергся полному вытеснению из сознания вместе со своим «Парламентом».

(Достаёт папку с крупной надписью «Тихамат» на корешке.)

Татарский(*читает*) - «Вавилон: три халдейские загадки»

Зеркало и маска – ритуальные предметы Иштар. Иштар в золотой маске, смотрящаяся в зеркало. Золото суть тело богини. Третьим ритуальным предметом богини является мухомор, шляпка которого является природной картой звездного неба. Предание о трех халдейских загадках гласило, что мужем богини мог стать любой житель Вавилона. Для этого он должен был выпить особый напиток и взойти на ее зиккурат. По преданию, путь к богатству и совершенной мудрости лежал через сексуальный союз с золотым идолом богини, который находился в верхней комнате зиккурата. Считалось, что дух Иштар в определенные часы сходит на этого идола. Чтобы быть

пропущенным к идолу, необходимо было разгадать три загадки Иштар.

Свита - Три загадки Иштар представляли собой три символических объекта, которые вручались вавилонянину, пожелавшему стать халдеем. Он должен был разъяснить значение этих предметов. На спиральном подъеме на зиккурат было три заставы, где будущему халдею по очереди предлагались эти объекты. Того, кто решал хоть одну загадку неправильно, стража заставы сталкивала с зиккурата вниз, что означало верную гибель. Тем не менее желающих было множество. Раз в несколько десятилетий это кому-нибудь удавалось. Человек, который решал все три загадки правильно, всходил на вершину и встречался с богиней, после чего становился посвященным халдеем и ее ритуальным земным мужем. Эта практика называлась Великой Лотереей, но более точный вариант перевода - «Игра Без Названия». В ней существовали только выигрыш и смерть, так что в определенном смысле она была беспроигрышной.

«Три загадки Иштар»

Свита - На следующий день Татарский встретил в начале Тверской улицы своего одноклассника Андрея Гиреева, о котором ничего не слышал несколько лет.

Татарский - Он сказал, что живет под Москвой в поселке Расторгуево, и пригласил в гости.

(Гиреев наливает что-то в чашку Татарскому)

Татарский - Что это?

Гиреев – Мухоморы.

Татарский – Ты что, собираешься это пить?

Гиреев – Не бойся, коричневых тут нет.

Татарский – И чего от него будет?

Гиреев – Сам увидишь. Еще будешь их на зиму сушить.

Татарский – А что сейчас делать?

Гиреев – Что хочешь.

Татарский – Говорить можно?

Гиреев – Говори.

Татарский - Полчаса прошло за малосодержательной беседой об общих знакомых. Ни с кем из них, как и следовало ожидать, не произошло за это время ничего интересного. Только один, Леша Чикунов, отличился – выпил несколько бутылок «Финляндии» и звездной январской ночью замерз насмерть в домике на детской площадке.

Гиреев – Ушел в Валгаллу.

(Между тем в его теле татарского появилась какая-то еле ощутимая веселая расслабленность. В груди возникали волны приятной дрожи. Он понял, что выпил мало)

Татарский – Есть еще?

Гиреев – Во, о чем я и говорил.

Татарский – Знаешь, у меня сейчас тяжелый период. Общаюсь в основном с банкирами и рекламодателями. Загружают просто свинцово. А у тебя здесь... Прямо как домой вернулся.

Гиреев – Пустяки. Не бери в голову. Ко мне зимой приезжала пара таких рекламодателей. Хотели сознание расширить. А потом босиком по снегу убежали. Пошли погуляем?

(Татарский и Гиреев идут по лесу. Зудящая дрожь в руках Татарского становится все сильнее. Среди деревьев растет много мухоморов, Татарский отстал от Гиреева и сорвал с земли несколько штук. Они были не красными, а темно-коричневыми и очень красивыми. Быстро съев их, он догнал Гиреева, который ничего не заметил.)

Гиреев – Слушай, я о Леше Чикунове опять вспомнил. Жалко его, правда?

Татарский – Правда.

Гиреев – Как это странно – он умер, а мы живем... Только я подозреваю, что каждый раз, когда мы ложимся спать, мы точно так же умираем. И солнце уходит навсегда, и заканчивается вся история. А потом небытие надоедает само себе, и мы просыпаемся. И мир возникает снова.

Татарский – Как это небытие может надоесть само себе?

Гиреев – Когда ты просыпаешься, ты каждый раз заново появляешься из ниоткуда. И все остальное точно так же. А смерть – это замена знакомого утреннего пробуждения чем-

то другим, о чем совершенно невозможно думать. У нас нет для этого инструмента, потому что наш ум и мир – одно и то же.

Татарский – Мне бы хопить вотелось поды! Мне бы похить дытелось вохо!

(Гиреев встав с места, попятился от Татарского, повернулся и побежал. Татарский окутанный видениями бродит по подмосковному лесу. На встречу ему выходит прохожий.)

Прохожий – Чего хотел?

Татарский – Я буквально на секунду. Я хотел спросить тебя как представителя target group: какие ассоциации вызывает у тебя слово «парламент»?

Прохожий – Была такая поэма у аль-Газзави. «Парламент птиц». Это о том, как тридцать птиц полетели искать птицу по имени Семург – короля всех птиц и великого мастера.

Татарский – А зачем они полетели искать короля, если у них был парламент?

Прохожий – Это ты у них спроси. И потом, Семург был не просто королем, а еще и источником великого знания. А о парламенте так не скажешь.

Татарский – И чем все кончилось?

Прохожий – Когда они прошли тридцать испытаний, они узнали, что слово «Семург» означает «тридцать птиц».

Татарский – От кого?

Прохожий – Им это сказал божественный голос.

Татарский - Вы ска нежите стан пройти до акции? Ну, где торектрички хо?

- Да это же вавилонское столпотворение! Наверно, пили эту мухоморную настойку, и слова начинали ломаться у них во рту, как у меня. А потом это стали называть смешением языков. Правильнее было бы говорить «смещение языка». А что такое вообще «столпотворение»? Похоже на столоверчение... Нет, столоверчение здесь ни при чем. Столпотворение – это столп и творение. Творение столпа, причем не строительство, а именно творение. То есть смешение языка и есть создание башни. Когда происходит смешение языка, возникает вавилонская башня. Или, может быть, не возникает, а просто открывается вход на зиккурат. Ну да, конечно. Вот он, вход.

(Татарский входит в ворота с надписью

THIS GAME HAS NO NAME)

Татарский – Все не так просто.

Кто-то – This game has no name. It will never be the same.

Татарский – Вперед. Все-таки, это что-то вроде многоярусного гаража.

Кто-то – С висячими садами.

Татарский - Дорога такая широка, чтобы на ней могли бы разъехаться два грузовика.

Кто-то - Или колесницы, колесницы четверками! Вот были колесницы!

(Под ногой что-то хрустнуло. Татарский поднимает пустую сигаретную пачку.)

Татарский - «Парламент» – ментоловый сорт. Все сходится.

Блуждает дальше. Замечает монету, блестящую под луной.

Три песо Кубинской республики с портретом Че Гевары.

(Среди мусора Татарский замечает странный кубик. Это точилка для карандашей в форме телевизора, на пластмассовом экране которого кто-то нарисовал шариковой авторучкой большой глаз. Внезапно его настигает порыв вдохновения, он торопливо вытаскивает записную книжку.)

Татарский - Плакат представляет собой фотографию набережной Москвы-реки, сделанную с моста, на котором в октябре 93 года стояли исторические танки. На месте Белого дома мы видим огромную пачку «Парламента» (компьютерный монтаж). Вокруг нее в изобилии растут пальмы. Слоган – цитата из Грибоедова:

И ДЫМ ОТЕЧЕСТВА НАМ СЛАДОК И ПРИЯТЕН.

ПАРЛАМЕНТ.

Новый работодатель.

Татарский – Алло.

Ханин - Могу я поговорить с Татарским... э-э... господином?

Татарский – Это я.

Ханин – Здравствуйте. Говорит Владимир Ханин из агентства «Тайный советчик». Ваш телефон у меня остался от Димы Пугина. Не могли бы мы с вами сегодня встретиться? Лучше прямо сейчас.

Татарский – А что такое?

Ханин – Дима скончался. Я знаю, что вы с ним работали. А он работал со мной. Так что косвенно мы знакомы. Во всяком случае несколько ваших работ, по которым вы ждете ответа от Пугина, у меня на столе.

Татарский – А как это случилось?

Ханин – Проходите, садитесь! Вот стул.

Татарский входит в кабинет к Ханину. Прямо перед ним висит плакат с надписью

«It will never be the same»

Значит, так. Сначала о Пугине... Это было явное ограбление по наводке, причем грабитель, судя по всему, знал, что Пугин работал таксистом в Нью-Йорке. Когда Пугин прогревал мотор, к нему в машину, на заднее сиденье, сели двое и назвали адрес: Вторая авеню, угол Двадцать седьмой улицы. В каком-то рефлексорно-гипнотическом трансе Пугин тронулся с места, свернул в переулок – и

это было все, что он успел рассказать милиции и врачам. В его теле насчитали семь пулевых ран – стреляли прямо сквозь спинку кресла. Пропало несколько тысяч долларов, которые Пугин вез с собой, и какая-то папочка – о ней он не переставая бредил до самой смерти. А папочка не пропала. Вот она. Он ее у меня забыл. Хочешь посмотреть? *(ставит на стол бутылку текилы)* Помянем. А теперь давай разберем твои последние работы, если не возражаешь. Ты ведь понял, я полагаю, что Дима их мне носил?

Татарский - Понял.

Ханин – Значит, так... Про «Парламент» ничего не скажу – хорошо. Но если ты уж взялся за такую тему, зачем ты себя сдерживаешь? Расслабься! Идти – так до конца! Пусть на всех четырех танках стоит по Ельцину с цветком в одной руке и стаканом в другой...

Татарский – Мысль.

Ханин – Ага, а вот здесь у нас есть проблемы. Проект для компании «ТАМПАКО», которая производит соки. Во-первых, их сильно обидел один совет.

Татарский – Какой?

Ханин – Сейчас прочитаю, где это... красным было подчеркнуто... да тут все почти подчеркнуто... ага, вот – в три черты. Слушай:

«На наш взгляд, перед началом кампании целесообразно подумать об изменении названия фирмы. Это связано с тем, что на российском телевидении активно проводится реклама гигиенических средств ТАМПАКС. Это понятие занимает настолько устойчивую позицию в сознании потребителя, что для его вытеснения и замещения

потребуется огромные затраты. Связь ТАМПАКО – ТАМПАКС чрезвычайно неблагоприятна для фирмы, производящей прохладительные напитки. Ассоциативный ряд, формируемый таким названием, – „напиток из тампонов“. На наш взгляд, достаточно поменять предпоследнюю гласную в названии фирмы: ТАМПУКО или ТАМПЕКО. При этом негативная ассоциация снимается полностью...»

Слов ты много выучил, хвалю. Но как ты не понимаешь, что таких вещей не предлагают? Ведь они в этот свой «Тампако» всю кровь сердца влили.. Это для них как.... Это как маме сказать: ваш сыночек, конечно, урод, но мы ему морду немного краской подведем, и будет нормально.

Татарский – Но ведь действительно название жуткое.

Ханин – Ты чего хочешь – чтобы они были счастливы или ты?

Татарский – А вообще концепция?

Ханин – Как тебе сказать. Ты не знаешь, что такое «шлемазл»?

Татарский -Нет.

Ханин – Я тоже. Они тут написали на полях, чтобы этот «шлемазл» – то есть ты – больше к их заказам близко не подходил. Тебя не хотят.

Татарский – Ясно. Меня не хотят. А если они через месяц поменяют название? А через два начнут делать то, что я предложил? Тогда как?

Ханин – Никак. Сам знаешь.

Татарский – Знаю, А по другим заказам? Там для сигарет «West» было.

Ханин – Тоже облом. Сигареты тебе всегда удавались, но сейчас... Наш бизнес – это лотерея. Лотерея. Тебе в этой лотерее последнее время не везет. И я знаю почему.

Татарский – Объясните.

Ханин – Видишь ли, это очень тонкий момент. Ты сначала стараешься понять, что понравится людям, а потом подсовываешь им это в виде вранья. А люди хотят, чтобы то же самое им подсунули в виде правды.

Татарский – То есть как? Что? Как это «в виде правды»?

Ханин – Ты не веришь в то, что ты делаешь. Не участвуешь душой.

Татарский – Не участвую. Еще бы. А вы чего хотите? Чтобы я это «Тампако» себе в душу пустил? Да такого ни одна блядь с Пушкинской площади не сделает.

Ханин – Не надо только становиться в позу. Блядь, может, и не сделает. А мы, если хотим в этом бизнесе выжить, сделаем. И не то еще сделаем.

Татарский – Не знаю. Не уверен до конца.

Ханин – Сделаем, Вава.

Татарский – А вы откуда знаете, что я не Вова, а Вава?

Ханин – Пугин сказал. Будем считать, что ты себя отпозиционировал. Пойдешь ко мне в штат?

Татарский – Кем?

Ханин – Криэйтором.

Татарский – Это творцом... Если перевести?

Ханин – Творцы нам тут на хуй не нужны. Криэйтором, Вава, криэйтором. *(исчезает)*

Татарский – This game has no name.

Свита -Мистическая сила несколько перестаралась с количеством указаний, предъявленных его испуганной душе одновременно: сначала плакат с пальмами и знакомой строчкой, потом слово «лотерея», как бы случайно употребленные Ханиным несколько раз за несколько минут, и, наконец, этот «Вава», который тревожил больше всего.

Татарский - Может, я ослышался. Может, у него такая дикция... Но ведь я спросил, откуда он знает, что я Вава. А он сказал – от Пугина. Нет, нельзя так напиваться, нельзя.

Рядом всплывает надпись «Иштар» . Это магазин. Татарский входит туда.

Девушка - Что ищите?

Татарский *(показывая на майку с портретом Че Гевары)*– Какие размеры?

Девушка – Одна осталась. Как раз на вас. Хрустальных шаров есть новая партия, берите, пока не разобрали.

Татарский – А зачем они?

Девушка – Для созерцания

Татарский – Скажите, пожалуйста, а что это там такое

Девушка – А это планшетка. Классика.

Татарский – Для чего она?

Девушка – Ставите на лист бумаги. Можно на принтер вот за эти зажимы. Сюда пропускаете бумагу и ставите на медленную построчную подачу. Заряжать удобнее рулоном. В этот паз вставляете ручку, лучше брать гелевую с шариком. Сверху кладете руки – вот так, показываю. Потом входите в контакт с духом и позволяете рукам произвольно двигаться. Ручка будет записывать получающийся текст.

Татарский – Слушайте, вы только не сердитесь, но я правда хочу знать – с каким духом?

Девушка – Брать будете – тогда скажу.

Татарский сидит за столом, положив руки на планшетку.

Татарский – Вызывается дух Че Гевары. Вызывается дух Че Гевары. Я хотел бы узнать... ну, скажем, что-нибудь новое про рекламу. Чтоб больше всех понимать.

В ту же секунду планшетка эпилептически задергалась под его ладонями, и вставленная в паз ручка вывела в верхней части листа крупные печатные буквы:

ИДЕНТИАЛИЗМ КАК ВЫСШАЯ СТАДИЯ ДУАЛИЗМА

Че Гевара. - Соратники! Мы находимся с вами в новой культурной ситуации, которую древние тексты всех религий называли грядущим «тёмным веком». Этот темный век уже наступил. И связано

это прежде всего с той ролью, которую в жизни человека стали играть так называемые визуально-психические генераторы. Приведём простой пример – телевизор. Когда телевизор выключен, он является объектом номер один. Это просто ящик со стеклянной стенкой, на который мы вольны смотреть или нет. Но когда телевизор включают, он преобразуется из объекта номер один в объект номер два. Он становится феноменом совершенно иной природы. И хоть смотрящий на экран не замечает привычной метаморфозы, она грандиозна. Для зрителя телевизор исчезает как материальный объект, обладающий весом, размерами и другими физическими качествами. Вместо этого у зрителя возникает ощущение присутствия в другом пространстве, хорошо знакомое всем собравшимся.

Соратники!

Вопрос заключается только в том, кто именно присутствует. Можно ли сказать, что это сам зритель? Повторим вопрос, так как он очень важен, – можно ли сказать, что телевизор смотрит тот человек, который его смотрит?

Мы утверждаем, что нет. И вот почему. Когда человек разглядывал выключенный телевизор, движение его глаз и поток его внимания управлялись его собственными волевыми импульсами, пусть даже хаотичными. Темный экран без всякого изображения не оказывал на них никакого влияния .

Здесь мы просим быть очень внимательными, так как следующее положение достаточно сложно понять, хотя суть его очень проста. Кроме того, может возникнуть чувство, что речь идет о чем-то несущественном. Берем на себя смелость заметить, что речь идет о самом существенном психическом феномене конца второго тысячелетия.

Изображение интенсивно меняется. Каждые несколько секунд происходит либо смена кадра, либо наплыв на какой-либо предмет, либо переключение на другую камеру – изображение непрерывно модифицируется оператором и стоящим за ним режиссером. Наблюдатель управляет своим вниманием так, как это делает за него съемочная группа. Возникает виртуальный субъект этого психического процесса, который на время телепередачи существует вместо человека, входя в его сознание как рука в резиновую перчатку.

Происходящее уместно назвать опытом коллективного небытия, поскольку виртуальный субъект, замещающий собственное сознание зрителя, не существует абсолютно – он всего лишь эффект, возникающий в результате коллективных усилий монтажеров, операторов и режиссера. С другой стороны, для человека, смотрящего телевизор, ничего реальнее этого виртуального субъекта нет.

И конечно, субъект номер один не замечает момента, когда он вытесняется субъектом номер два, так как после вытеснения это уже некому заметить – субъект номер два нереален.

Но он не просто нереален (это слово, в сущности, приложимо ко всему в человеческом мире). Нет слов, чтобы описать степень его нереальности. Это нагромождение одного несуществования на другое, воздушный замок, фундаментом которого служит пропасть. Может возникнуть вопрос – зачем барахтаться в этих несуществованиях, измеряя степень их нереальности? Но эта разница между субъектами первого и второго рода очень важна.

Субъект номер один верит, что реальность – это материальный мир. А субъект номер два верит, что реальность – это материальный мир, который показывают по телевизору.

Быстрое переключение телевизора с одной программы на другую, к которому прибегают, чтобы не смотреть рекламу, называется zapping. Переключение телезрителя, которым управляют режиссер и оператор— это другой тип заппинга, насильственный, работы по изучению которого практически закрыты во всех странах. Но принудительный заппинг, при котором телевизор превращается в пульт дистанционного управления телезрителем, является не просто одним из методов организации видеоряда, а основой телевидения, главным способом воздействия рекламно-информационного поля на сознание. Поэтому субъект второго рода будет в дальнейшем обозначаться как Homo Zapiens, или ХЗ.

Повторим этот чрезвычайно важный вывод: подобно тому как телезритель, не желая смотреть рекламный блок, переключает телевизор, мгновенные и непредсказуемые техномодификации изображения переключают самого телезрителя. Переходя в состояние Homo Zapiens, он сам становится телепередачей, которой управляют дистанционно. И в этом состоянии он проводит значительную часть своей жизни.

Соратники! Положение современного человека не просто плачевно – оно, можно сказать, отсутствует, потому что человека почти нет. Не существует ничего, на что можно было бы указать, сказав: «Вот, это и есть Homo Zapiens». ХЗ – это просто остаточное свечение люминофора уснувшей души; это фильм про съемки другого фильма, показанный по телевизору в пустом доме.

«Русская идея»

Ханин – Познакомьтесь. Ваван Татарский, один из наших лучших специалистов. А это–Вовчик Малой, почти твой тезка. Это, человек с очень важной экономической функцией. Можно сказать, ключевое звено либеральной модели в странах с низкой среднегодовой температурой. Ты в рыночной экономике понимаешь немного?

Татарский – Децул.

Ханин – Тогда ты должен знать, что на абсолютно свободном рынке в силу такого определения должны быть представлены услуги ограничителей абсолютной свободы. Вовчик – как раз такой ограничитель. Короче, наша крыша...

Вовчик – Короче, ты в русскую идею въезжаешь?

Татарский – Нет. Не думал на эту тему.

Ханин – Тем лучше. Как говорится, со свежей головой...

Татарский – А зачем это нужно?

Ханин – Тебе заказ на разработку.

Татарский – От кого?

Ханин кивнул на Вовчика.

Ханин – Вот тебе ручка и блокнот, слушай его внимательно и делай пометки. Потом по ним распишешь.

Вовчик – А че тут слушать.И так все ясно. Скажи, Ваван, когда ты за границей бываешь, унижение чувствуешь?

Татарский – Я там не был никогда.

Вовчик – И молодец. Потому что поедешь – почувствуешь. Я тебе точно говорю – они нас там за людей не считают, как будто мы все говно и звери. То есть когда ты в каком-нибудь «Хилтоне» весь этаж снимешь, тогда к тебе, конечно, в очередь встанут минет делать. Но если на каком-нибудь фуршете окажешься или в обществе, так просто как с обезьяной говорят. Чего, говорят, у вас крест такой большой – вы что, богослов? Я б тебе, блядь, такое богословие в Москве показал...

Ханин – А почему такое отношение? Мнение есть?

Вовчик – Есть. Все потому, что мы у них на пансионе. Их фильмы смотрим, на их тачках ездим и даже хавку ихнюю едим. А сами производим, если задуматься, только бабки... Которые тоже по всем понятиям ихние доллары, так что даже неясно, как это мы их производить ухитряемся. Хотя, с другой стороны, производим же – на халяву-то никто не дал бы... Я вообще-то не экономист, но точно чувствую – дело гнилое, какая-то тут лажа зарыта. Но они-то думают, что мы культурно опущенные! Типа как чурки из Африки, понимаешь? Словно мы животные с деньгами. Свиньи какие или быки. А ведь мы – Россия! Это ж подумать даже страшно! Великая страна!

Ханин – Да.

Вовчик – Просто потеряли на время корни из-за всей этой байды. Сам знаешь, какая жизнь, – пернуть некогда. Но это ж не значит, что мы забыли, откуда мы родом, как негры эти козлиные...

Ханин - Давай без эмоций. Объясни парню, чего ты от него хочешь. И попроще, без лирики.

Вовчик – Короче, я тебе сейчас ситуацию просто объясню, на пальцах. Наш национальный бизнес выходит на международную

арену. А там крутятся всякие бабки – чеченские, американские, колумбийские, ну ты понял. И если на них смотреть просто как на бабки, то они все одинаковые. Но за каждым бабками на самом деле стоит какая-то национальная идея. У нас раньше было православие, самодержавие и народность. Потом был этот коммунизм. А теперь, когда он кончился, никакой такой идеи нет вообще, кроме бабок. Но ведь не могут за бабками стоять просто бабки, верно? Потому что тогда чисто непонятно – почему одни впереди, а другие сзади?

Ханин – Во как. Учись, Ваван.

Вовчик – И когда наши русские доллары крутятся где-нибудь в Карибском бассейне даже на самом деле не въедешь, почему это именно русские доллары. Нам не хватает национальной и-ден-тичности...Понял? У чеченов она есть, а у нас нет. Поэтому на нас как на говно и смотрят. А надо, чтобы была четкая и простая русская идея, чтобы можно было любой суке из любого Гарварда просто объяснить: тыр-пыр-восемь-дыр, и нефига так глядеть. Да и сами мы знать должны, откуда родом.

Ханин – Ты давай задачу ставь. Это ж мой главный криэйтор. У него минута времени больше стоит, чем мы с тобой вместе в неделю зарабатываем.

Вовчик – Задача простая, – сказал Вовчик. – Напиши мне русскую идею размером примерно страниц на пять. И короткую версию на страницу. Чтоб чисто реально было изложено, без зауми. И чтобы я любого импортного пидора – бизнесмена там, певицу или кого угодно – мог по ней развести. Чтоб они не думали, что мы тут в России просто денег украли и стальную дверь поставили. Чтобы такую духовность чувствовали, бляди, как в сорок пятом под Сталинградом, понял?

Татарский – А где я ее...

Ханин – А это уж, родной, твое дело. Сроку у тебя день, работа срочная. Потом ты мне для других дел нужен будешь.

В баре «Бедные люди»

Татарский – Простите, я здесь сидел.

Григорий – И садись на здоровье. Тебе что, весь стол нужен. Меня Григорием зовут.

Татарский – Вова.

Григорий – Во как колбасит тебя. Нюхаешь?

Татарский – Так. Бывает изредка.

Григорий – Дурак. Ты только подумай: слизистая оболочка носа – почти что открытый мозг... А откуда этот порошок взялся и кто в него какими местами лазил, ты думал когда-нибудь?

Татарский – Только что.

Григорий – Отвратительно. Жить надо чисто.

Татарский – Да? А как это?

Григорий – Только ЛСД. Только на кишку, и только с молитвой.

Татарский – Где ж его взять-то?

Григорий – Как где? Ну-ка, полезай сюда. Я их уже восемь лет собираю. Глянь-ка.

Татарский – Ни фига себе. Сколько их тут разных. А они что, все по-разному действуют?

Григорий – Во-первых, разный химический состав. Я сам глубоко не вникал, но к кислоте всегда что-то подмешано. Но все-таки самое главное – это рисунок. Ты ведь никуда не можешь деться от факта, что глотаешь Мэла Гибсона или красную гвоздику, понимаешь? Твой ум это помнит. И когда кислота до него доходит, все идет по намеченному руслу. Трудно объяснить... Ты ее вообще ел хоть раз?

Татарский – Нет. Я больше по мухоморам.

Григорий – Тогда чего тебе рассказывать. Сам понимать должен.

Татарский – Да я понимаю, понимаю. А вот эти, с черепом и костями, их тоже кто-то берет? Есть любители?

Григорий – Всякие берут. Люди ведь тоже всякие.

Татарский – Ух ты, красота какая. Это Алиса в Стране чудес?

Григорий – Ага. Только это блок. Двадцать пять доз. Дорогой. Вот эта хорошая, с распятием. Только не знаю, как она на твои мухоморы ляжет. С Гитлером не советую. Сначала круто, но потом обязательно будет несколько секунд вечных мучений в аду.

Татарский – Как это – несколько секунд вечных мучений? Если всего несколько секунд, то почему они вечные?

Григорий – Это только пережить можно. М-да. А можно и не пережить.

Татарский – А вот эти три одинаковых – что это такое? Кто здесь нарисован? С бородкой и в колпаке? Не поймешь – не то Ленин, не то дядя Сэм.

Григорий – Вот что такое инстинкт, – сказал он. – Кто здесь нарисован, я не знаю. Но вещь это очень крутая. Отличается она тем, что здесь кислота смешана с метаболитом. Поэтому действовать начинает очень быстро и очень резко, минут через двадцать. Я бы тебе не дал такую, но если ты мухоморы ел...

Татарский – Беру, – сказал он, – сколько?

Григорий – Двадцать пять долларов.

Татарский – У меня сто рублей только осталось.

Григорий – Давай.

«Вавилонская марка»

Татарский - В колпаке, наверно, шут. Значит, будет весело.

не раздумывая, он кинул марку в рот, растер ее зубами проглотил и стал ждать.

Свита - Сирруф.

Татарский – Сиррукх, сирруф. Непонятно. Кто здесь

Свита – Сирруф прибыл.

Татарский – Это что, имя?

Сирруф – This game has no name. Скорее, это должность. Ты лучше скажи, где ты марочку-то эту взял? Гриша-филателист. Я так и думал. Сколько у него их было? Понятно– Значит, еще две.

Татарский -Зачем надо было эту дрянь есть

Сирруф – Совершенно незачем. Вообще никаких наркотиков человеку принимать не стоит. А особенно психоделиков.

Татарский – Да я и сам понимаю, – ответил Татарский тихо. – Теперь.

Сируфф – У человека есть мир, в котором он живет. Человек является человеком потому, что ничего, кроме этого мира, не видит. А когда ты принимаешь сверхдозу ЛСД или объедаешься пантерными мухоморами, что вообще полное безобразие, ты совершаешь очень рискованный поступок. Ты выходишь из человеческого мира, и, если бы ты понимал, сколько невидимых глаз смотрит на тебя в этот момент, ты бы никогда этого не делал. А если бы ты увидел хоть малую часть тех, кто на тебя при этом смотрит, ты бы умер со страху. Этим действием ты заявляешь, что тебе мало быть человеком и ты хочешь быть кем-то другим. Во-первых, чтобы перестать быть человеком, надо умереть. Ты хочешь умереть?

Татарский – Нет

Сирруф – А кем ты хочешь быть?

Татарский – Не знаю.

Сирруф – Вот о чем я и говорю. Тем более, ладно еще марка из счастливой Голландии. Но то, что ты съел, – это совсем другое. Это номерной пропуск, служебный документ, съедая который ты перемещаешься в такую область, где нет абсолютно никаких удовольствий. И где не положено шататься без дела. А у тебя никакого дела нет. Ведь нет?

Татарский – Нет.

Сирруф – С Гришей-филателистом мы вопрос решим. Большой человек, коллекционер. И пропуск у него случайно оказался. Но ты-то зачем его съел?

Татарский – Хотел ощутить биение жизни.

Сирруф – Биение жизни? Ну ощути.

– Еще хочешь?

Татарский – Нет, – сказал Татарский, – пожалуйста, не надо. Я больше никогда-никогда не буду есть эту гадость. Обещаю.

Сирруф – Обещать участковому будешь. Если до утра доживешь.

Татарский – Что?

Сирруф – А то самое. Ты хоть знаешь, что этот пропуск на пять человек? А ты здесь один. Или тебя пять?

Татарский – Пожалуйста, не надо со мной больше этого делать.

Сирруф – Я с тобой ничего не делаю. Ты все делаешь сам.

Татарский – Можно я объясню? Я понимаю, что совершил ошибку. Я понимаю, что на Вавилонскую башню нельзя смотреть. Но я же не...

Сирруф – При чем тут Вавилонская башня?

Татарский – Я только что ее видел.

Сирруф – Вавилонскую башню нельзя увидеть – На нее можно только взойти – говорю это тебе как ее сторож. А то, что ты видел, – это ее полная противоположность. Можно сказать, что это Карфагенская шахта. Так называемый тофет.

Татарский – Что такое «тофет»?

Сирруф – Это место жертвенного сожжения. Такие ямы были в Тире, Сидоне, Карфагене и так далее, и в них действительно жгли людей. Поэтому, кстати, Карфаген и был уничтожен. Еще эти ямы называли геенной – по имени одной древней долины, где впервые открыли этот бизнес. Я мог бы добавить, что Библия называет это «мерзостью аммонитской» – но ты ведь ее все равно не читал.

Татарский – Не понимаю.

Сирруф – Хорошо. Можешь считать, что тофет – это обычный телевизор.

Татарский – Все равно не понимаю. Я что, был в телевизоре?

Сирруф – В некотором смысле. Ты видел техническое пространство, в котором сгорает ваш мир. Нечто вроде станции сжигания мусора. Ты Достоевского читал?

Татарский – Чего-чего?

Сирруф – Ну, который про баньку с пауками писал?

Татарский – Знаю. Я его, если честно, терпеть не могу.

Сирруф – А зря. У него в одном из романов был старец Зосима, который с ужасом догадывался о материальном огне. Непонятно, почему он так его боялся. Материальный огонь – это и есть ваш мир. Огонь, в котором вы сгораете, надо обслуживать. И ты относишься к обслуживающему персоналу.

Татарский – К обслуживающему персоналу?

Сирруф – Ведь ты копирайтер? Значит, ты один из тех людей, которые заставляют людей глядеть в пламя потребления.

Татарский – Пламя потребления? Потребления чего?

Сирруф – Не чего, а кого. Человек думает, что потребляет он, а на самом деле огонь потребления сжигает его, давая ему скромные радости. Это как безопасный секс, которому вы неустанно предаетесь даже в одиночестве. Экологически чистая технология сжигания мусора. Но ты все равно не поймешь.

Татарский – А кто мусор-то, кто? Человек, что ли?

Сирруф – Человек по своей природе прекрасен и велик, – сказал сирруф. – Почти так же прекрасен и велик, как сирруф. Но он этого не знает. А мусор – это и есть его незнание. Согласись, что лучше греться у этого огонька, чем гореть в нем заживо.

Татарский – Зачем человеку глядеть в этот огонь, если в нем сгорает его жизнь?

Сирруф – Вы все равно не знаете, что с этими жизнями делать. И куда бы вы ни глядели, вы все равно глядите в огонь, в котором сгорает ваша жизнь. Милосердие в том, что вместо крематориев у вас телевизоры и супермаркеты. А истина в том, что функция у них одна. И потом, огонь – это просто метафора. Ты видел его, потому что съел пропуск на станцию сжигания мусора. Большинство видит перед собой просто телеэкран.

Сирруф исчезает

Татарский - Помолиться, что ли? Вдруг поможет. Господи, к Тебе возвах. Я так виноват перед Тобой. Я плохо и неправильно живу, я знаю. Но я в душе не хочу ничего мерзкого, честное слово. Я никогда

больше не буду есть эту дрянь. Я... Я просто хочу быть счастливым, а у меня никак не получается. Может, так мне и надо. Я ведь ничего больше не умею, кроме как писать плохие слоганы. Но Тебе, Господи, я напишу хороший – честное слово. Они ведь Тебя совершенно неправильно позиционируют. Они вообще не въезжают. Сейчас...

Плакат (сюжет клипа): длинный белый лимузин на фоне Храма Христа Спасителя. Его задняя дверца открыта, и из нее бьет свет. Из света высовывается сандалия, почти касающаяся асфальта, и рука, лежащая на ручке двери. Лица не видим. Только свет, машина, рука и нога. Слоган:

ХРИСТОС СПАСИТЕЛЬ

СОЛИДНЫЙ ГОСПОДЬ

ДЛЯ СОЛИДНЫХ ГОСПОД

Институт пчеловодства

Свита - Часто бывает: выходишь летним утром на улицу, видишь перед собой огромный, прекрасный, спешащий куда-то мир, полный невнятных обещаний и растворенного в небе счастья, и вдруг мелькает в душе пронзительное чувство, спрессованное в долю секунды, что вот лежит перед тобой жизнь, и можно пойти по ней вперед без оглядки, поставить на карту самого себя и выиграть, и промчатся на белом катере по ее морям, и пролететь на белом «мерседесе» по ее дорогам. И сами собой сжимаются кулаки, и выступают желваки на скулах, и даешь себе слово, что еще вырвешь зубами много-много денег у этой враждебной пустоты, и сметешь с пути, если надо, любого, и никто не

посмеет назвать тебя американским словом loser. Так действует в наших душах оральный вау-фактор

Татарский – Я, конечно, написал. Как мог. Но я, по-моему, облажался, и Вовчику это давать не надо. Дело в том, что это такая тема... Такая, оказывается, непростая тема... Может быть, я могу придумать слоган, или дополнить brand essence русской идеи, но концепцию мне делать рано. Я это не из скромности говорю, а объективно. В общем...

Ханин – Забудь.

Татарский – А что такое?

Ханин – Завалили Вовчика.

Татарский - Как?

Ханин – А очень просто, – сказал Ханин. – У него вчера стрелка была с чеченами. Он на двух машинах подкатил, с бойцами, достойно все. Думал, как у людей будет. А эти гады за ночь окоп вырыли на холме напротив. И, как он подъехал, долбанули из двух огнеметов «шмель». А это вещь страшная. Дает объемный взрыв с температурой две тысячи градусов. У Вовчика машина бронированная была, только она ведь от нормальных людей бронированная, а не от выродков...Вовчика сразу, а остальных бойцов, кто после взрыва жив остался, из пулемета добили, когда они из машин повыскакивали. Я не понимаю, как с такими людьми бизнес вести. И люди ли они вообще. Н-да... Укатали сивку крутые урки...

Татарский – Да, теперь понимаю. Я сегодня одну из этих машин видел. Он прошлый раз на другой был, так что я ничего плохого не

подумал даже. Мало ли, думаю, кого грохнули – каждый день ведь кого-то... И что это для нас значит в практическом плане?

Ханин – Отпуск. На неопределенный срок. Очень большой вопрос надо решать. Гамлетовский. Мне уже звонили с утра два раза.

Татарский – Из милиции?

Ханин – Да. А потом из кавказского землячества. Пронюхали, гады, что коммерсант освободился. Как акулы. По запаху крови. Так что вопрос стоит теперь чисто конкретный. Но грохнуть могут те и эти. А мусора, между прочим, особенно. Как они на меня сегодня наехали... Мы, говорят, знаем, что у тебя бриллианты. А какие у меня бриллианты? Скажи, какие?

Татарский – Не знаю.

Ханин – Ладно, ты не бери в голову. Живи, люби, работай... Тебя, кстати, ждут в соседней комнате.

Татарский – Кто?

Ханин – Да какой-то знакомый твой. Говорит, у него к тебе дело.

Морковин – Ух, ну и морда у тебя, Ваван. Давно пьешь-то?

Татарский – Только из штопора выхожу. Мне тут такое задание дали, что иначе невозможно.

Ханин – Это ты о нем по телефону рассказывал?

Татарский – Когда?

Морковин – Не помнишь, что ли? Я так и думал. Ты сильно не в себе был. Говорил, что концепцию пишешь для Бога, а на тебя за это

древний змей наезжает. Еще работу просил новую найти – говорил, что устал от мирского...

Татарский – Хватит. Не гони волну. Я и так в говне по уши.

Морковин – Так тебе правда работа нужна?

Татарский – Еще как. Всех в отпуск гонят.

Морковин – Ну так пойдем. Я хочу представить тебя своему начальству. Веди себя естественно. Но не говори лишнего. И вот еще что, Не бойся показаться дураком. Наоборот, бойся показаться очень умным.

Татарский – Почему?

Морковин – Потому что тогда немедленно возникнет вопрос: если ты такой умный, то почему ты нанимаешься на работу, а не нанимаешь на нее?

Татарский – Логично.

Морковин – А вот цинизма побольше.

Татарский – Это легко.

Татарский и Морковин входят в кабинет Азадовского, который лежит на ковре в самой непринужденной позе.

Азадовский – Подсаживайтесь.

Морковин – Давно подсели.

Азадовский – Ну как?

Татарский – Отлично, просто отлично! Вот только я не понимаю, почему такая технология? Это, конечно, изысканно, но как-то необычно!

Азадовский – Ты вывеску на нашей конторе видел? «Институт пчеловодства»?

Татарский – Видел.

Азадовский – Ну вот. А мы тут вроде пчелок. Так, к делу. Морковка, подожди. Я с человеком поговорю. – Леонид Азадовский.

Татарский – Владимир Татарский.

Азадовский – Ты не Владимир, а Вавилен. Я про это знаю. Только и я не Леонид. У меня папаша тоже мудака был. Он меня знаешь как назвал? Легионом. Даже не знал, наверно, что это слово значит. Сначала я тоже горевал. Зато потом выяснил, что про меня в Библии написано, и успокоился. Значит, так... Что там у нас... Ага. Посмотрел я твои работы. Мне понравилось. Молодец. Такие нам нужны. Только вот местами... не до конца верю. Вот, например, ты пишешь: «коллективное бессознательное». А ты знаешь, что это такое?

Татарский – На уровне коллективного бессознательного.

Азадовский – А ты не боишься, что найдется кто-то, кто знает отчетливо?

Татарский – Господин Азадовский, я этого не боюсь. Потому не боюсь, что все, кто отчетливо знает, что такое коллективное бессознательное», давно торгуют сигаретами у метро. В той или иной форме, я хочу сказать. Я и сам у метро сигаретами торговал. А в рекламный бизнес ушел, потому что надоело.

Азадовский – Ты хоть во что-нибудь веришь?

Татарский – Нет.

Азадовский – Ну хорошо – Так... Политические взгляды...Ты по политическим взглядам кто?

Татарский – Рыночник, довольно радикальный.

Азадовский – А конкретнее?

Татарский – Конкретнее... Скажем так, мне нравится, когда у жизни большие сиськи. Но во мне не вызывает ни малейшего волнения так называемая кантовская сиська в себе, сколько бы молока в ней ни плескалось. И в этом мое отличие от бескорыстных идеалистов вроде Гайдара... Если короче, в гробу я видел любую кантовскую сиську в себе со всеми ее категорическими императивами. На рынке сисек нежность во мне вызывает только фейербаховская сиська для нас. Такое у меня видение ситуации.

Азадовский – Вот и я так думаю, пусть лучше небольшая, но фейербаховская... Короче, мы тебя берем с испытательным сроком в три месяца. У нас сейчас свой отдел рекламы, но мы не столько ее сами разрабатываем, сколько координируем работу нескольких крупных агентств. Типа не играем, а счет ведем.. Мы к тебе приглядимся, подумаем, а потом, если подойдешь, переведем на более ответственный участок. Видел, сколько у нас этажей?

Татарский – Видел.

Азадовский – Вот то-то. Пространство для роста не ограничено. Вопросы есть?

В курс дела

Татарский - Вот, взять хотя бы «мерседес. Машина, конечно, классная, ничего не скажешь. Но почему-то наша жизнь так устроена, что проехать на нем можно только из одного говна в другое... Правда, где-то начиная с пятисотого или, пожалуй, даже с триста восьмидесятого турбодизеля это уже не имеет значения. Потому что к этому моменту сам становишься таким говном, что ничего вокруг тебя уже не испачкает. То есть говном, конечно, становишься не потому, что покупаешь шестисотый «мерседес». Наоборот. Возможность купить шестисотый «мерседес» появляется именно потому, что становишься говном... Однако...пора возвращаться к работе. Вернее, не возвращаться, а начинать ее. Писать сценарий ролика для мужских духов «Гуччи».

В кадре – дверь деревянного сортира. Жужжат мухи. Дверь медленно открывается, и мы видим сидящего над дырой худенького мужичка с похмельным лицом, украшенным усиками подковой. На экране титр: «Литературный обозреватель Павел Бисинский». Мужичок поднимает взгляд в камеру и, как бы продолжая давно начатую беседу, говорит:

– Спор о том, является ли Россия частью Европы, очень стар. В принципе настоящий профессионал без труда может сказать, что думал по этому поводу Пушкин в любой период своей жизни, с точностью до нескольких месяцев. Например, в 1833 году в письме князю Вяземскому он писал...

В этот момент раздаётся громкий треск, доски под мужичком подламываются, и он обрушивается в яму. Слышен громкий всплеск.

Камера наезжает на яму, одновременно поднимаясь (модель движения камеры – облет «Титаника»), и показывает сверху поверхность темной жижи. Из нее выныривает голова обозревателя, которая поднимает глаза и продолжает прерванную погружением фразу:

– Возможно, истоки надо искать в разделе церквей. Крылов не зря говорил Чаадаеву: «Посмотришь иногда по сторонам, и кажется, что живешь не в Европе, а просто в каком-то...»

Что-то сильно дергает обозревателя вниз, и он с бульканьем уходит на дно. Наступает тишина, нарушаемая только гудением мух. Голос за кадром:

GUCCI FOR MEN

БУДЬ ЕВРОПЕЙЦЕМ. ПАХНИ ЛУЧШЕ

Морковин - У меня хорошие новости. Первый отдел тебя наконец проверил. Так что идешь на повышение – Азадовский велел тебя в курс ввести. Что я сейчас и сделаю. Выпьем. Нет, ну надо же. Я понимаю, в ларьке на улице... Но даже тут поддельная. Точно говорю, самопал из Польши... Во как прыгает! Вот что значит апгрейд...

Татарский понял, что последняя фраза относится не к водке, а к телевизору, и перевел взгляд с мутной от пузырьков водки на экран, где румяный хохочущий Ельцин быстро-быстро резал воздух беспалой ладонью и что-то взахлеб говорил.

Татарский – Апгрейд? Это что, стимулятор такой?

Морковин – И кто только такие слухи распускает. Зачем. Просто частоту подняли до шестисот мегагерц. Кстати, сильно рискуем.

Татарский – Опять не понял.

Морковин – Раньше такой сюжет два дня считать надо было. А теперь за ночь делаем. Поэтому и жестов больше можем посчитать, и мимики.

Татарский – А что считаем-то?

Морковин – Да вот его и считаем. И всех остальных тоже. Трехмерка.

Татарский – Трехмерка?

Морковин – Если по науке, то «три-дэ модель». А мужики их «трехмерзостью» называют.

Татарский – Ты что мне такое рассказываешь?

Морковин – То и рассказываю, что Азадовский велел. В курс ввожу.

Татарский посмотрел на экран. Теперь показывали думскую трибуну, на которой стоял мрачный, как бы только что вынырнувший из омута народного остервенения оратор. Неожиданно Татарскому показалось, что депутат действительно неживой – его тело было совершенно неподвижным, шевелились только губы и изредка веки.

Морковин – И этот тоже. Только его поглубей просчитывают, их много слишком. Он эпизодический. Это полубобок.

Татарский – Чего?

Морковин – Ну, мы так думских трехмеров называем. Динамический видеобарельеф – проработка вида под одним углом. Технология та же, но работы меньше на два порядка. Там два типа бывает – бобок и полубобок. Видишь, ртом шевелит и глазами? Значит, полубобок. А вон тот, который спит над газетой, – это бобок. Такой вообще на винчестер влазит. У нас, кстати, отдел законодательной власти недавно премию получил. Азадовский смотрел вечером новости, а там депутаты про телевидение говорят, что продажное, блядское и так далее. Азадовский, натурально, в обиду – разбор хотел начинать, трубку даже снял. Уже номер набирает и вдруг думает – с кем разбираться-то? Не, хорошо работаем, раз самих пробивает.

Татарский – Так что, они все – того?

Морковин – Все без исключения.

Татарский – Да ладно, не гони, – неуверенно сказал Татарский. – Их же столько народу каждый день видит.

Морковин – Где?

Татарский – По телевизору... А, ну да... То есть как... Но ведь есть же люди, которые с ними встречаются каждый день.

Морковин – Ты этих людей видел?

Татарский – Конечно.

Морковин – А где?

Татарский – По телевизору.

Морковин – То есть понимаешь, к чему я клоню?

Татарский – Начинаю.

Морковин – Вообще-то чисто теоретически ты можешь встретить человека, который скажет тебе, что сам их видел или даже знает. Есть специальная служба, «Народная воля». Больше ста человек, бывшие гэбисты, всех Азадовский кормит. У них работа такая – ходить и рассказывать, что они наших вождей только что видели. Кого у дачи трехэтажной, кого в желтой «ламборджини» на Рублевском шоссе. Но «Народная воля» в основном по пивным и вокзалам работает, а ты там не бегаешь.

Татарский – Ты правду говоришь

Морковин – Правду, правду.

Татарский – Но ведь это же грандиозное надувательство.

Морковин – Ой, только этого не надо. Надуем – громче хлопнут. Да ты чего? По своей природе любой политик – это просто телепередача. Ну, посадим мы перед камерой живого человека. Все равно ему речи будет писать команда спичрайтеров, пиджаки выбирать – группа стилистов, а решения принимать – Межбанковский комитет. А если его кондрашка вдруг хватит – что, опять всю бодягу затевать по новой?

Татарский – Ну допустим. Но как это можно делать в таком объеме?

Морковин – Тебя технология интересует? Могу рассказать в общих чертах. Сначала нужен исходник. Восковая модель или человек. С него снимается облачное тело. Знаешь, что такое облачное тело?

Татарский – Это что-то типа астрального?

Морковин – Нет. Это тебя какие-то лохи запутали. Облачное тело – это то же самое, что цифровое облако. Просто облако точек. Его снимают или щупом, или лазерным сканером. Потом эти точки соединяют – накладывают на них цифровую сетку и сшивают щели. Там сразу несколько процедур – stitching, clean-up и так далее.

Татарский – А чем сшивают?

Морковин – Цифрами. Одни цифры сшивают другими. Я вообще сам не все до конца понимаю – гуманитарий, сам знаешь. Короче, когда мы всё сшили и зачистили, получаем модель. Они бывают двух видов – полигональные и так называемый nurbs patch. Полигональные – из треугольничков, а «нурбс» – из кривых, это продвинутая технология, для серьезных трехмеров. Депутаты все полигональные – возни меньше и лица народнее. Ну вот, когда модель готова, в нее вставляют скелет. Тоже цифровой. Это как бы палочки на шарнирах – действительно, выглядит на мониторе как скелет, только без ребер. И вот этот скелет анимируют, как мультфильм, – ручка сюда, ножка туда. Вручную, правда, мы уже не делаем. У нас специальные люди есть, которые скелетами работают.

Татарский – Скелетами?

Морковин – Сейчас как раз съемка в третьем павильоне. Пойдем посмотрим. А то я тебе до вечера объяснять буду.

Человек в наушниках – Эй, Аркаша. Ты будешь смеяться, но придется еще раз.

Аркаша – Что?

Человек в наушниках – То, Аркаша, то. Давай по новой.

Аркаша – Сколько ж можно. Голова кружится.

Татарский – Кто это?

Морковин – Это Аркаша Коржаков. Он скелетоном Ельцина работает. Та же масса, те же габариты. К тому же актер – раньше в ТЮЗе работал на шекспировских ролях.

Татарский – А что он делает? Что это на нем за шайбы?

Морковин – Это датчики. Новая система, «Star Trak». Самая сейчас крутая на рынке. Без проводов, тридцать два датчика, работает где угодно – но и стоит, сам понимаешь...

Человек в наушниках (Аркаше)– Готово. Значит, повторяю по порядку. Сначала обнимаешь, потом приглашаешь спуститься, потом спотыкаешься. Только когда рукой вниз будешь делать, величественнее и медленнее. А падай по полной, наотмашь. Понял?

Аркаша – Понял.

Аркаша повернулся влево, развел руки и медленно сомкнул их в пустоте. Татарский поразился – его движения мгновенно наполнились государственным величием и державной неспешностью. Сначала Татарский вспомнил про систему Станиславского, но сразу же понял, что Аркаша просто с трудом балансирует на пяточке высоко над полом, изо всех сил стараясь не упасть. Разжав объятия, Аркаша широким жестом указал своему невидимому спутнику на скат, шагнул к нему, качнулся на краю фанерной бездны и безобразно обрушился вниз. За время падения он два раза перекувырнулся, и, если бы не гамак, в который приземлилось его грузное тело, не обошлось бы без членовредительства. Упав, Аркаша так и остался лежать в гамаке,

обхватив руками голову. Инженеры столпились вокруг монитора и стали тихо о чем-то спорить.

Татарский – Слушай, а почему его бухим показывают, если он виртуальный?

Морковин – Рейтинг повышаем.

Татарский – У него от этого рейтинг растет?

Морковин – Да не у него. Какой у электромагнитной волны рейтинг. У канала. Почему в новостях в прайм-тайм минута сорок тысяч стоит, прикидывал?

Татарский – Уже прикинул. А давно его... того?

Морковин – После танца в Ростове. Когда он со сцены упал. Пришлось в коды переводить в аварийном режиме. Помнишь, операцию делали по шунтированию? Проблем была куча. Когда доцифровывали, все уже в респираторах работали. С тех пор под фанеру и пашем. Пойдем еще в аппаратную зайдем. Азадовский говорил, что ты любишь, когда у жизни большие сиськи. Вот это самая большая. И если она тебя пока не возбуждает, то это просто с непривычки.

Морковин – Что это такое?

Морковин - Рендер-сервер 100/400. По американским понятиям в принципе уже старье, но нам хватает. Да и вся Европа на таких пашет. Позволяет просчитывать до ста главных и четырехсот вспомогательных политиков.

Татарский – Слушай, а что, у американцев то же самое?

Морковин – Конечно. И гораздо раньше началось. Рейган со второго срока уже анимационный был. А Буш...

Татарский – А правда, что у нас на политике их копирайтеры работают?

Морковин – А вот это вранье. Они для себя-то ничего хорошего придумать не в состоянии. Разрешающая способность, число точек, спецэффекты – это да. Но страна бездуховная. Криэйторы у них на политике – говно полное. Кандидатов в президенты двое, а команда сценаристов одна. И работают в ней только те, кого с Мэдисон-авеню поперли, Нет, наши сценаристы раз в десять круче. Ты посмотри, какие характеры выпуклые. Что Ельцин, что Зюганов, что Лебедь. Чехов. «Три сестры». Так что пускай все люди, которые говорят, что в России своих брэндов нет, этим базаром подавятся. У нас здесь такие таланты, что ни перед кем не стыдно.

Татарский – Слушай, я чего понять не могу. Вот, допустим, копирайтеры им всем тексты пишут. Но кто за тексты-то отвечает? Откуда мы берем темы и как мы определяем, куда завтра повернет национальная политика?

Морковин – Большой бизнес. Про олигархов слышал?

Татарский – Ага. И что они, собираются и решают? Или в письменном виде концепции присылают?

Морковин – Ну как они могут где-то собираться, когда их всех этажом выше делают.

Татарский – Так что, олигархов тоже нет никаких? Но ведь у нас снизу доска висит – «Межбанковский комитет»...

Морковин – Да это чтоб мусора уважали и с крышей своей не лезли. Комитет-то мы межбанковский, это да, только все банки эти – межкомитетские. А комитет – это мы. Во как.

Татарский – Понял. Кажется, понял... То есть как, подожди... Выходит, что те определяют этих, а эти... Эти определяют тех. Но как же тогда... Подожди... А на что тогда все опирается?

Морковин – А вот про это ты не думай никогда. Никогда вообще, понял?

Татарский – А как? Как не думать-то?

Морковин – Техника такая. Ты как бы понимаешь, что вот-вот эту мысль подумаешь в полном объеме, и тут же себя щипаешь или колешь чем-нибудь острым. В руку, в ногу – неважно. Надо там, где нервных окончаний больше. Типа как пловец в икру, когда у него судорога. Чтобы не утонуть. И потом, постепенно, у тебя вокруг этой мысли образуется как бы мозоль, и ты ее уже можешь без особых проблем обходить стороной. То есть ты чувствуешь, что она есть, но никогда ее не думаешь. И постепенно привыкаешь.

.....

Свита - Часто бывает – проезжаешь в белом «мерседесе» мимо автобусной остановки, видишь людей, бог знает сколько времени остервенело ждущих своего автобуса, и вдруг замечаешь, что кто-то из них мутно и вроде бы даже с завистью глядит на тебя. И на секунду веришь, что этот украденный у неведомого бюргера аппарат, еще не до конца растаможенный в братской Белоруссии, но уже подозрительно стучащий мотором с перебитыми номерами, и правда трофей,

свидетельствующий о полной и окончательной победе над жизнью. И волна горячей дрожи проходит по телу; гордо отворачиваешь лицо от стоящих на остановке и решаешь в своем сердце, что не зря прошел через известно что и жизнь удалась.

Так действует в наших душах анальный вау-фактор.

Татарский -Если смотреть на происходящее с точки зрения чистой анимации, то все понятия у нас перевернуты. Для небесного «Силикона», который обсчитывает весь этот мир, мятый «Запорожец» куда более сложная работа, чем новый «БМВ», который три года обдували в аэродинамических трубах. Так что все дело в криэйторах и сценаристах. Но какая же гадина написала этот сценарий? И кто тот зритель, который жрет свою пиццу, глядя на этот экран? И самое главное, неужели все это происходит только для того, чтобы какая-то жирная надмирная тушка наварила себе что-то вроде денег на чем-то вроде рекламы? А похоже. Ведь известно: все в мире держится на подобии...

Возникает реклама

– Ни иконы, ни Бердяев,

ни программа «Третий глаз»

не спасут от негодяев,

захвативших нефть и газ!

Рекламная служба Русского Радио!

Татарский – Але.

Морковин -Что, опять с перепою? Забыл, что на барбекю едем? Давай спускайся быстро, я уже внизу. Азадовский ждать не любит.

Татарский – Сейчас, Только в душ зайду.

Азадовский – Как раз вас дожидаемся. Мы сейчас в народ едем. Пить пиво на станцию.

Татарский– Это как Гарун аль-Рашид со своими визирями, да? Он все время переодевался и ходил по Багдаду. Смотрел, как народ живет. И рейтинг свой выяснял.

Азадовский – По Багдаду? – спросил Азадовский подозрительно. – Что еще за Гарун?

Татарский – Да халиф такой был. Давно, лет пятьсот назад.

Азадовский – Тогда понятно. Сейчас-то по Багдаду не особо походишь. Все как у нас – только на трех джипах и с охраной. Ну что, все в сборе? По тачкам.

Саша Бло – Я тебя все поздравить хочу. Этот твой материал про Березовского с Радугевым – лучший компромат за всю осень. Реально. Особенно то место, где они собираются пронзить мистическое тело России своими бурильно-телевизионными вышками в главных сакральных точках. И какая надпись на этих монопольных денежках – «In God we Monopoly»!

Татарский –Да ладно. Ты лучше скажи, когда твой отдел нам идею родит нормальную? На какой стадии проект?

Саша Бло – Вообще все строго секретно. Но если в общих чертах, то идея на подходе. И такая, что все припухнут. Осталось додумать роль Аттилы и доработать стилистику – чтобы был как бы постоянный контрапункт органа и гармошки.

Татарский – Аттила? Это который Рим сжег? При чем тут он?

Саша Бло – Аттила – значит «человек с Итиля». Сказать по-нашему – Волжанин. Итиль – это древнее название Волги. Чувствуешь, куда клоню?

Татарский – Не очень.

Саша Бло – Мы же и есть третий Рим. Который, что характерно, на Волге. Так что и в поход ходить никуда не надо. Отсюда наша полная историческая самодостаточность и национальное достоинство.

Татарский – Да, сурово.

Саша Бло – Слушай, а у меня к тебе дело. У меня два брата сюда переехали из Еревана и решили бизнес начать. Короче, открыли эксклюзивное похоронное бюро с высшим классом обслуживания. Просто прикинули, сколько здесь бабок зависло между банками. Их все сейчас выбивать начинают друг из друга, так что на рынке возникла реальная ниша.

Татарский – Это точно.

Саша Бло – В общем, чисто по дружбе, напиши мне для них нормальный слоган, чтобы по целевой группе реально работал. Раскрутятся – заплатят.

Татарский – А чего, тряхну стариной. Какая легенда у нашего брэнда?

Саша Бло – Я ж сказал – смерть экстра-класса.

Татарский – А фирма как называется?

Саша Бло – По фамилии. Похоронное бюро братьев Дебирсян. Подумаешь?

Татарский – Сделаю. Какие проблемы.

Саша Бло – Кстати, ты смеяться будешь, но у них один наш знакомый уже клиентом был. Жена, перед тем как свалить отсюда, проплатила похороны по первому разряду.

Татарский – Это кто же?

Саша Бло – Помнишь Ханина из агентства «Тайный советчик»? Завалили.

Татарский – Вот ужас. Я и не слышал. Кто?

Саша Бло – Кто говорит – чечены, а кто говорит – менты. Что-то там из-за бриллиантов. Темное, короче, дело.

Татарский записывает в книжечку

DIAMONDS ARE NOT FOREVER!

ПОХОРОННОЕ БЮРО БРАТЬЕВ ДЕБИРСЯН

Практика истинной дхармы.

Гиреев – Заходи. Калитка открыта.

Сев за стол, Татарский заметил, что телевизор стоит вверх ногами.

Ведущий (в телевизоре) – Скоро, скоро со стапелей в городе Мурманске сойдет ракетно-ядерный крейсер «Идиот», заложенный по случаю столетия со дня рождения Федора Михайловича Достоевского. В настоящий момент неизвестно, удастся ли правительству вернуть деньги, полученные в залог судна, поэтому все громче раздаются голоса, предлагающие заложить другой крейсер такого типа, «Богоносец Потемкин», который так огромен, что моряки называют его плавучей деревней. В настоящий момент «Богоносец Потемкин» движется по Северному Ледовитому океану к порту приписки. Книжные новинки! – Азадовский вытащил откуда-то книгу, на обложке которой мелькнула сакраментальная комбинация гранатомета, бензопилы и голой женщины. – Добро должно быть с кулаками. Мы знали это давно, но все же чего-то не хватало! И вот книга, которую вы ждали столько лет, – добро с кулаками и большим хуем! Похождения Святослава Лютого. Экономические новости: сегодня в Государственной Думе объявлен новый состав минимальной годовой потребительской корзины. В нее вошли двадцать кило макаронных изделий, центнер картошки, шесть килограмм свинины, пальто, пара обуви, шапка-ушанка и телевизор «Сони Блэк Тринитрон». Из Персии пишут...

Гиреев выключил звук.

Гиреев – Ты чего, телевизор пришел смотреть?

Татарский – Да нет. Просто странно – чего это он перевернут?

Гиреев – Долгая тема. Есть три буддийских способа смотреть телевизор. В сущности, это один и тот же способ, но на разных стадиях

тренировки он выглядит по-разному. Сначала ты смотришь телевизор с выключенным звуком. Примерно полчаса в день, свои любимые передачи. Когда возникает мысль, что по телевизору говорят что-то важное и интересное, ты осознаешь ее в момент появления и тем самым нейтрализуешь. Сперва ты будешь срываться и включать звук, но постепенно привыкнешь. Главное, чтобы не возникало чувства вины, когда не можешь удержаться. Сначала так со всеми бывает, даже с ламами. Потом ты начинаешь смотреть телевизор с включенным звуком, но отключенным изображением. И наконец, начинаешь смотреть выключенный телевизор. Это, собственно, главная техника, а первые две – подготовительные. Смотришь все программы новостей, но телевизор не включаешь. Очень важно, чтобы при этом была прямая спина, а руки лучше всего складывать на животе – правая ладонь снизу, левая сверху. Это для мужчин, а для женщин наоборот. И ни на секунду не отвлекаться. Если так смотреть телевизор десять лет подряд хотя бы по часу в день, можно понять природу телевидения. Да и всего остального тоже.

Татарский – А чего ты его тогда переворачиваешь?

Гиреев – Это четвертый буддийский способ. Он используется в случае необходимости все же посмотреть телевизор. Например, если ты курс доллара хочешь узнать, но не знаешь, когда именно его объявят и каким образом – вслух скажут или таблички у обменных пунктов будут показывать.

Татарский – А зачем переворачивать-то?

Гиреев – Ты когда-нибудь думал, откуда у дикторов во взгляде такая тяжелая сверлящая ненависть?

Татарский – Брось. Они вообще в камеру не смотрят, это только так кажется.

Гиреев – Просто, когда они читают свой текст, им прямо в глаза смотрит несколько миллионов человек, как правило очень злых и недовольных жизнью. Ты только вдумайся, какой возникает кумулятивный эффект, когда столько обманутых сознаний встречается в одну секунду в одной и той же точке. Ты знаешь, что такое резонанс?

Татарский – Примерно.

Гиреев – Ну вот. Если батальон солдат пойдет по мосту в ногу, то мост может разрушиться. Такие случаи бывали, поэтому, когда колонна идет по мосту, им дают команду идти не в ногу. А когда столько людей смотрит в эту коробку и видит одно и то же, представляешь, какой резонанс возникает в ноосфере?

Татарский – Где?

Гиреев – Если коротко, вся так называемая магия телевидения заключается в психорезонансе, в том, что его одновременно смотрит много народу. Любой профессионал знает, что если ты уж смотришь телевизор, то надо глядеть куда-нибудь в угол экрана, но ни в коем случае не в глаза диктору, иначе или гастрит начнется, или шизофрения. Но надежнее всего перевернуть, вот как я делаю. Это и значит не идти в ногу. А вообще, если тебе интересно, есть пятый буддийский способ смотреть телевизор, высший и самый тайный...

Свита - Часто бывает – говоришь с человеком и вроде нравятся чем-то его слова и кажется, что есть в них какая-то доля правды, а потом вдруг замечаешь, что майка на нем старая, тапки стоптанные, штаны заштопаны на колене, а мебель в его комнате потертая и

дешевая. Вглядываешься пристальней, и видишь кругом незаметные прежде следы унижительной бедности, и понимаешь, что все сделанное и передуманное собеседником в жизни не привело его к той единственной победе, которую так хотелось одержать тем далеким майским утром, когда, сжав зубы, давал себе слово не проиграть, хотя и не очень еще ясно было, с кем играешь и на что. И хоть с тех пор это вовсе не стало яснее, сразу теряешь интерес к его словам, и хочется сказать ему на прощание что-нибудь приятное и уйти поскорей и заняться, наконец, делами. Так действует в наших душах вытесняющий вау-фактор

Татарский – Слушай, кстати, – а у тебя мухоморы еще остались?

Гиреев – Есть. Только я с тобой не буду. Извини, конечно, но после того

Татарский – Знаешь, Андрюха, – сказал он, – не хочу, чтобы это звучало патетично, но спасибо тебе огромное!

Гиреев – За что?

Татарский – За то, что иногда позволяешь жить параллельной жизнью. Без этого настоящая была бы настолько мерзка!

Татарский на башне

Сирруф – Семург, сирруф какая разница? Просто разные транскрипции. А ты опять наглотался, да?

Татарский – Началось, зверюшка подъехала. Ну, и где тут богиня?

Голоса - А знают ли они, что в их широко известном мире нет ничего, кроме сгущения тьмы, – ни вдоха, ни выдоха, ни правого, ни левого, ни пятого, ни десятого? Знают ли они, что их широкая

известность неизвестна никому? Когда-то и ты и мы, любимый, были свободны, – зачем же ты создал этот страшный, уродливый мир?

Татарский – А разве это сделал я?

Гиреев (*появляясь из ниоткуда*) – Вот ты пишешь слоганы, а ты знаешь самый главный слоган? Можно сказать, базовый?

Татарский – Нет.

Гиреев – Я тебе скажу. Ты слышал выражение «Страшный суд»?

Татарский – Слышал.

Гиреев – На самом деле ничего страшного в нем нет. Кроме того, что он уже давно начался, и все, что с нами происходит, – просто фазы следственного эксперимента. Подумай – разве Богу сложно на несколько секунд создать из ничего весь этот мир со всей его вечностью и бесконечностью, чтобы испытать одну-единственную стоящую перед ним душу?

Татарский – Андрей, хватит, а? Мне ведь и на работе говна хватает. Хоть бы ты не грузил.

Ритуал

Открыв глаза, Татарский увидел, что стоит в дверях просторного помещения, похожего на фойе кинотеатра, где, судя по всему, происходит нечто вроде фуршета.

Азадовский – Иду-иду. Прибыл? Чего у дверей стоишь? Заходи, не съедем.

Татарский – Где мы?

Азадовский – Примерно сто метров под землей, район Останкинского пруда. Ты извини за повязочку и все дела – просто перед ритуалом так положено. Традиции, мать их. Боишься? Плюнь. Это все туфта.

Азадовский открыл шкафчик и вынул из него две необычные юбки не то из перьев, не то из взбитой шерсти. Бросив одну из них Татарскому, он натянул вторую поверх красных трусов «Calvin Klein», из-за чего немедленно сделался похож на перекормленного страуса.

Азадовский – Ты чего ждешь-то? Переодевайся. Потом возьмешь эти железки – и входи. Можешь брать любую пару, только чтобы намордник по размеру подходил.

Татарский надел маску, сразу сильно надавившую на лицо, и взял в руку зеркало.

Азадовский – Во! Вид что надо. Чего, стремишься? Ты только в измену не уходи, не думай, что мы тут ебанутые. Мне лично все это по барабану, но, если хочешь быть в нашем бизнесе, без этого нельзя. Короче, я тебе сейчас все примерно объясню на пальцах, а если подробнее, то у нашего главного спросишь, он подойдет сейчас. Ты, главное, проще ко всему относись, спокойнее. В пионерлагеря ездил?

Татарский – Ездил

Азадовский – Был у вас там такой День Нептуна? Когда всех в воду окунали?

Татарский – Был.

Азадовский – Вот считай, что это такой же День Нептуна и есть. Традиция. Короче, базар такой, что была когда-то одна древняя богиня. Я не в том смысле, что она реально была, а просто такая легенда. А боги по этому базару тоже смертные и носят в себе свою смерть, чисто как люди. Поэтому в свой срок эта богиня тоже должна была умереть. А ей этого, понятное дело, не хотелось. И тогда она разделилась на свою смерть и на то, что не хотело умирать. Видишь, на картинке? Вот эта собачка – ее смерть. А эта баба в кивере – она сама. Короче, дальше ты слушай не перебивая, потому что я сам не особо въезжаю. Когда они разделились, между ними сразу началась война, в которой никто долго не мог победить. Последняя битва в этой войне произошла прямо над Останкинским прудом, то есть там, где мы сейчас находимся, только не под землей, а высоко в воздухе. Поэтому считается, что здесь священное место. Сначала в этой битве долго никто не мог победить, а потом этот пес стал одолевать богиню. И тогда другие боги испугались за себя, вмешались и заставили их заключить мир. Здесь как раз все зафиксировано. Это что-то вроде текста мирного договора, который засвидетельствован во всех четырех сторонах света этими быками и...

Татарский – Грифонами.

Азадовский - Богиню по нему лишили тела и опустили чисто до понятия. Она стала золотом, но не просто металлом, а в переносном смысле. Понимаешь?

Татарский – Не очень.

Азадовский – Немудрено. Короче, она стала тем, к чему стремятся все люди, но не просто, скажем, грудой золота, которая где-то лежит, а всем золотом вообще. Ну, как бы идеей.

Татарский – Теперь понял.

Азадовский – А ее смерть стала хромым псом с пятью лапами, который должен вечно спать в одной далекой стране на севере. Ты, наверно, уже догадался, где именно. Вон он справа, видишь?

Татарский – А как эту собаку зовут?

Азадовский – Хороший вопрос. Я, если честно, и не знаю. А чего ты спрашиваешь?

Татарский – А я читал что-то похожее. В статье из университетского сборника. Про русский мат. Там было написано, что матерные слова стали ругательствами только при христианстве, а раньше у них был совсем другой смысл и они обозначали невероятно древних языческих богов. И среди этих богов был такой хромой пес Пиздец с пятью лапами. В древних грамотах его обозначали большой буквой «П» с двумя запятыми. По преданию, он спит где-то в снегах, и, пока он спит, жизнь идет более-менее нормально. А когда он просыпается, он наступает. И поэтому у нас земля не родит, Ельцин президент и так далее. Про Ельцина они, понятно, не в курсе, а так все очень похоже. И еще было написано, что самое близкое понятие, которое существует в современной русской культуре, – это детская идиома «ГамOVER». От английского «Game Over».

Азадовский – Да по-английски-то я понял, не дурак. Я не понял, кому этот пиздец наступает?

Татарский – Не то чтобы кому-то или чему-то, а всему. Поэтому, наверно, остальные боги и вмешались. А как богиню зовут?

Свита – Когда-то давно ее звали Иштар, но с тех пор ее имя много раз менялось. Знаешь такой брэнд – No Name? И по хромой собачке та

же картина. А все остальное ты правильно сказал. Когда-то давно наше общество называлось Гильдией Халдеев. Мы сами называем его Обществом Садовников, потому что наша задача – пестовать священное дерево, которое дает жизнь великой богине.

Татарский – Давно это общество существует?

Свита – Очень давно. Говорят, что оно действовало еще в Атлантиде, но мы для простоты считаем, что оно пришло из Вавилона в Египет, а оттуда – к нам.

Татарский – Понятно. Оно что, занималось строительством Вавилонской башни?

Свита – Нет. Вовсе нет. Мы не строительная контора. Мы просто слуги великой богини. Если пользоваться твоей терминологией, мы следим, чтобы Пиздец не проснулся и не наступил, это ты правильно понял. Я думаю, ты понимаешь, что в России на нас лежит особая ответственность. Пес спит именно здесь.

Татарски – А где именно?

Свита – Повсюду. Когда говорят, что он спит в снегах, – это метафора. А то, что несколько раз в этом веке он почти просыпался, – уже нет. А сейчас, если ты не возражаешь, перейдем к ритуалу. Встань на колени и сними маску. Ты есть посредник, и ты есть послание. Теперь ты должен заглянуть в священный глаз.

Азвдовский – Да не бойся ты. Через этот глаз великая богиня узнает своего мужа. А поскольку муж у нее уже есть, это простая формальность. Смотришь в глаз, выясняется, что ты не бог Мардук, и мы спокойно работаем дальше.

Свита – Это тоже мифологема. У великой богини был муж, тоже бог, самый главный из всех богов, которого она опоила любовным напитком, и он уснул в святилище на вершине своего зиккурата. А поскольку он был бог, то и сон у него такой, что... Ну, в общем, дело путаное, но весь наш мир со всеми нами и даже с этой богиней ему как бы снится. И великая богиня постоянно ищет того, кому она снится, потому что только через него она обретает свою жизнь. А поскольку найти его нельзя, у нее есть символический земной муж, которого она сама выбирает.

Татарский покосился на Азадовского..

Азадовский – Угадал. Сейчас он. Для Лени, конечно, довольно напряженный момент, когда кто-то другой заглядывает в священный глаз, но пока все обходилось. Давай. Софит поверните. Так он не разглядит. А надо, чтобы на всю жизнь запомнил.

Что-то металлическое тяжело звякнуло о пол, и раздался хрип. Татарский мгновенно вскочил на ноги, отпрыгнул от алтаря и обернулся. Сцена, которую он увидел, была настолько нереальна, что он даже не испугался, решив, что это часть ритуала. Азадовского душили желтыми нейлоновыми прыгалками.

Татарский – Что такое? Что происходит?

Свита – Спокойно. Уже ничего не происходит. Все уже произошло. На священном гадании в Атланте оракул предсказал, что у Иштар в нашей стране появится новый муж. С Азадовским у нас давно были проблемы, но вот кто этот новый, мы долго понять не могли. Про него было сказано только то, что это человек с именем города. Мы думали, думали, искали, а тут вдруг приносят из первого отдела твое личное дело. По всем понятиям выходит, что это ты и есть.

Татарский – Я??? А отказаться я могу?

Свита – Не думаю.

Татарского усаживают в кресло вроде зубоврачебного с ремнями и фиксаторами.

Татарский – Что это?

Свита – Снимем с тебя облачко.

Татарский – А без этого нельзя?

Свита – Никак. По ритуалу ты становишься мужем великой богини только после того, как тебя оцифруют. Превратят, так сказать, в визуальный ряд. Да не бойся ты. Это не больно, когда сканируют. Как в ксероксе, только крышкой не закрывают... Пока что не закрывают... Да ладно, шучу, шучу. Давай быстрее, а то нас наверху ждут. Торжественный вечер – твоя, так сказать, презентация. Расслабишься в узком кругу.

Татарский - А вы слышали про птицу Семург?

Свита – Нет. А что это за птица?

Татарский – Была такая восточная поэма ее сам не читал, слышал только. Про то, как тридцать птиц полетели искать своего короля Семурга, прошли через много разных испытаний, а в самом конце узнали, что слово «Семург» означает «тридцать птиц».

Свита – Ну и что

Татарский – Да так, Я вот подумал, а может, наше поколение, которое выбрало «Пепси»... Ну да... Мне одна довольно жуткая мысль

пришла в голову – может быть, все мы вместе и есть эта собачка с пятью лапами? И теперь мы, так сказать, наступаем?

Свита – Так, сейчас замри и не моргай. Готов?

Татарский – Готов

Машина зажуужжала, и белые матовые лампы по ее краям зажглись ослепительным светом. Конструкция, похожая на раскрытую книгу, стала медленно поворачиваться вокруг оси, в глаза Татарскому ударил белый луч, и на несколько секунд он ослеп.

Свита – Склоняюсь перед живым богом.